Получать бюллетень по электронной почте?

Имрей Ноам

Недельная глава Ваеце

Шабат шалом!

21 ноября 2026 | 11 Кислева | 5787

ВРЕМЕНА ШАБАТА

Город	Зажигание	Исход
Иерусалим	15:57	17:16
Тель-Авив	16:18	17:17
Хайфа	16:06	17:15

Местное время в Израиле

Сколько сил скрыто в нас?

К недельной главе
рав Реувен Куклин

Самоотверженное желание помочь пробуждает скрытые силы.

Яаков подходит к колодцу и видит ожидающих пастухов. Устье колодца закрыто большим камнем, и, чтобы отвалить его, нужно дождаться, пока соберутся все стада. Однако, когда Рахель приходит с овцами, Яаков подходит и сам отваливает камень. Раши описывает, с какой лёгкостью он это сделал: «Словно снимает пробку с горлышка сосуда».

В молитве о дожде мы вспоминаем этот поступок и просим, чтобы в его заслугу нам была дарована вода: «Сосредоточил сердце и отвалил камень от устья колодца — ради него не удерживай воды». Это означает, что Яаков, собрав воедино все силы сердца и мысли, отвалил камень, закрывавший колодец.

Но здесь возникает вопрос: почему этот поступок считается такой великой заслугой? Если речь идёт лишь о проявлении физической силы, в чём духовное достоинство, ради которого мы просим дождя?

Рав Хаим Шмулевич объясняет, что ключ заключён в двух словах: «сосредоточил сердце». Яаков направил все силы своей души на то, чтобы сделать добро. Желание помочь и готовность всецело посвятить себя нуждам другого пробудили в нём силы, которые не проявились бы в обычных обстоятельствах. По объяснению рава Хаима, силы тела питаются силами души. Когда сердце целиком устремлено к определённой цели, человек способен сделать гораздо больше, чем сам от себя ожидает.

Рав Хаим обращает внимание на знакомое явление: во время пожара или другой опасности человек порой обнаруживает в себе силы, о которых прежде не подозревал. Один человек может совершить то, для чего в обычные дни потребовались бы усилия нескольких людей. Ощущение острой необходимости собирает воедино силы, которые в повседневной жизни остаются скрытыми.

В ноябре 2015 года в США девятнадцатилетняя Шарлотта Хеффелмайр обнаружила своего отца придавленным пикапом, под которым он работал в гараже. Разлилось топливо, вспыхнул огонь. Хрупкая девушка подбежала к тяжёлой машине и сумела приподнять её настолько, чтобы освободить отца. Позже она и сама с трудом могла объяснить, откуда в тот миг взялись эти силы.

ТОЧКА ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Свет праведника

«И вышел Яаков из Беэр-Шевы, и пошёл в Харан» (Берешит, 28:10).

Почему Тора подчёркивает выход Яакова из города? Раши объясняет: праведник — величие, сияние и красота своего города. Когда он уходит, город лишается этого света.

Можно видеть здесь влияние его дел: уроков Торы, мудрых советов, помощи нуждающимся.

Однако слова «сияние» и «красота» говорят о большем. Подобно свету, озаряющему всё вокруг, праведник воздействует на людей самим своим присутствием.

Даже тот, кто не знаком с ним лично, знает: рядом живёт человек высокой души. Его жизнь становится зримым свидетельством того, каких духовных высот может достичь человек.

То, что прежде казалось далёким и недоступным, предстаёт перед ним в живом образе. Это расширяет его стремления и пробуждает желание расти самому.

Времена: Hebcal.com. До заката: Иерусалим — 40 мин., Тель-Авив — 18 мин., Хайфа — 30 мин. Исход: солнце на 8,5° ниже горизонта.

Так выглядят отговорки

По рассказу **рава Яакова Галинского**

«Возвысил свой голос и заплакал» (Берешит, 29:11).

Встретив Рахель, Яаков заплакал. Раши объясняет: он пришёл с пустыми руками. Элиэзер, раб его деда Авраама, привёз невесте Ицхака богатые подарки. У Яакова не было ничего: всё своё имущество он отдал Элифазу, сыну Эсава, чтобы спасти жизнь.

Но почему же он плакал? Разве мог поступить иначе? Ведь у него была веская причина прийти ни с чем.

В Цанзе жил бедный сапожник по имени Залман. С утра до вечера он гнулся над чужой обувью: латал, подбивал, пришивал. Заработка едва хватало на хлеб и дрова. Его *талит* был в заплатках, меховой *штраймл* поредел, а старый *китл* — праздничное одеяние — совсем износился.

О новом *китле* Залман мечтал давно. Не говоря жене ни слова, он завёл жестяную копилку и с каждой починки откладывал монетку. Другую, третью… Когда копилка наполнилась, он понёс её в лавку тканей.

Торговец высыпал деньги на прилавок и пересчитал. Не набралось и одной кроны. А шёлк стоил тридцать.

— Прости, этого с трудом хватит на рукава.

Залман побледнел. Столько времени он откладывал монетку за монеткой — и всё напрасно?

— А немного уступить нельзя? — прошептал он.

Торговец покачал головой. Но, увидев слёзы бедняка, задумался. На верхней полке лежал старый рулон шёлка. Никто уже не надеялся его продать: от времени нити пересохли, ткань стала ломкой.

— Могу отрезать тебе на *китл* за эти деньги. Только предупреждаю: шёлк ветхий. Обращаться с ним надо очень осторожно.

Залман засиял. Осторожно? Конечно, он будет осторожен! Лишь бы наконец надеть новый *китл*.

Домой он вернулся счастливым. Развернул покупку перед женой и попросил сшить праздничную одежду. Только бережно, как можно бережнее… Жена взялась за работу с любовью и тревогой. Ткань крошилась, словно слоёное тесто, но стежок за стежком *китл* был готов.

Перед *шаббатом* Залман вымылся и осторожно оделся. В один рукав просунул руку сам, с другим ему помогли. Застегнулся, подпоясался и отправился в *бейт-мидраш* — дом учения и молитвы. Он чувствовал себя царём.

Молящиеся оглядывались: неужели это их сапожник? *Штраймл* всё тот же, а лицо сияет, и как блестит новый *китл*!

Кто-то поздравил его, дружески хлопнул по плечу — и кусочек шёлка отвалился.

— Что это у тебя?

Другой потянул ткань пальцами. Дыра стала больше.

— Не трогайте! Пожалуйста, не трогайте! — закричал Залман.

Но вокруг уже собрались любопытные. Каждый хотел понять, что за странная материя. От прикосновений шёлк трескался и расползался. Залман плакал, а люди всё удивлялись и ощупывали его одежду.

Вдруг стало тихо. Вошёл рав Цанза, автор книги «Диврей Хаим».

— Что здесь происходит?

Толпа расступилась. Перед равом стоял сапожник в изодранном *китле*.

— У меня была мечта, а это — её остатки, — выговорил он сквозь слёзы.

И рассказал всё: как копил монеты, как не хватило на хороший шёлк, как обрадовался старой ткани. Он ведь не знал, что она так быстро рассыплется. А люди — зачем они трогали, зачем смеялись?

Рав выслушал его и сказал:

— Приходи ко мне на исходе *шаббата*. Я дам тебе денег на новую, добротную ткань.

Потом обернулся к собравшимся:

— Зачем вы его мучаете? Что он мог сделать? На что хватило денег, то и купил. Разве он виноват?

У сапожника было оправдание. И вполне справедливое. Только *китл* от этого не стал целым. Теперь можно понять слёзы Яакова. Он отдал имущество, спасая свою жизнь. Ему нечего было поставить в вину. Но подарков для Рахели у него всё равно не было. Даже самая уважительная причина не могла восполнить эту потерю.

А мы?

Мы трудимся, заботимся о семье, добываем хлеб. «Если нет муки — нет Торы», — говорят мудрецы (Авот, 3:17). И Всевышний не требует от человека невозможного (Авода зара, 3а). Это правда. Наши трудности реальны, а объяснения могут быть совершенно справедливыми.

Но когда после ста двадцати лет мы предстанем перед Небесным судом, нам захочется принести с собой то, ради чего мы жили: изученную Тору, исполненные заповеди, сделанное добро.

Если же в руках останутся одни объяснения того, почему на всё это не хватило времени, — разве можно будет удержаться от слёз?

По материалам imrey.org/excuses. Литературная редакция.